

Библиотека
психоанализа

Джулиет
Митчелл

Скрытая жизнь братьев и сестер

Угрозы и травмы

Библиотека психоанализа

Джулиет Митчелл

**Скрытая жизнь братьев и
сестер. Угрозы и травмы**

2003

УДК 159.9
ББК 88

Митчелл Д.

Скрытая жизнь братьев и сестер. Угрозы и травмы /
Д. Митчелл — 2003 — (Библиотека психоанализа)

ISBN 978-5-89353-603-4

Книга восполняет имеющийся в психологической и психоаналитической литературе пробел, касающийся влияния горизонтальных связей в семье (внутри одного поколения) на становление личности и развитие психопатологических черт у детей и взрослых. Подчеркивается, что появление нового ребенка в семье остро переживается его ближайшими по возрасту братьями и сестрами, меняет семейную расстановку и сложившиеся в ней эмоциональные связи. Рассматриваются недостаточно обсуждаемые и умалчиваемые вопросы жизни сиблингов: насилие, сексуальные отношения братьев и сестер, выполнение запретов и табу, половые аспекты привязанности – и более общие проблемы: соотношение гендера и пола, взаимосвязь эдипальных и сиблинговых отношений, исторические, этнические и социальные факторы в жизни братьев и сестер. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-89353-603-4

© Митчелл Д., 2003

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	12
Истерия и сиблинги	15
Психология групп и сиблинги	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Джулиет Митчелл

Скрытая жизнь братьев и сестер: Угрозы и травмы

Juliet Mitchell
SIBLINGS
Sex and Violence

Polity

Издание осуществлено при содействии Общества психоаналитической психотерапии (ОПП)

**Библиотека
психоанализа**

Перевод с английского
Натэла Ханелия, Виктор Белопольский

This edition is published by arrangement with Polity Press Ltd., Cambridge
© Juliet Mitchell, 2003
© Когито-Центр, перевод на русский язык, 2020

Предисловие

Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства.

Всеобщая декларация прав человека ООН (от 1948 года), статья 1

Недавний анализ показал, что ценности мужского братства не распространяются на женщин, в частности, им не отведено места в идеале братства, который характеризует общественный договор, существующий в современных западных обществах. Братство считается одним из патриархальных явлений. Моя собственная точка зрения заключается в том, что, хотя такое положение дел и является одним из проявлений мужского доминирования, существует еще один важный аспект – присвоение «братства» патриархатом иллюстрирует то, что все оказывается подчинено вертикальному вектору понимания, тогда как горизонтальная плоскость полностью игнорируется. Я пришла к мысли, что такая «вертикализация» может быть основным способом, посредством которого идеологии братства (включая сексизм) получают возможность действовать незаметно.

Впервые я осознала важность темы siblingов в ходе своей работы по исследованию истерии, которая потом была издана под названием «Безумцы и медузы: Возвращение истерии и влияние siblingовых отношений на жизнь человека» (Mitchell, 2000a). С тех пор я отмечаю, что тема братьев и сестер вызывает бесконечное число вопросов и является материалом для дальнейшего анализа. Я, конечно, осведомлена о том, что значит быть одним-единственным ребенком. Хотя ситуация может измениться, я уверена, что до сих пор в мировой истории превалировала ситуация, когда каждый имел или же ожидал, что у него будет сестра или брат, и это важно в психическом и социальном плане. В некотором смысле сверстники заменяют братьев и сестер. Все всегда, конечно же, знали о том, что братья и сестры играют важную роль, но установление связи между siblingами и фактическими или потенциальными патологиями, глубинными основаниями нашей любви и жизни, ненависти и смерти открывает богатую почву для исследований.

Настоящая книга является чем-то вроде второй точки моего маршрута (книга «Безумцы и медузы» была в этом смысле первой), к которой меня как психоаналитика привел мой клинический материал. Из этой точки расходится большое количество тропок, и все они ведут в различные места, каждое из которых относится к какой-либо дисциплине, изучающей человеческое общество посредством наблюдения, «тестирования», создания художественных произведений или любым другим способом. То, что я прибегаю к различным источникам, от случаев из жизни до нейропсихиатрии, а также к политическим и гендерным исследованиям, романам, фильмам, антропологическим данным и др., не является следствием моей приверженности как ученого к междисциплинарности, а просто отражает тот факт, что, по моему мнению, нам нужно использовать все возможные средства, чтобы увидеть полную картину и понять исследуемый объект. Размышления и суждения, представленные в этой книге, возникли, в частности, в ходе живого обмена клиническим опытом, поэтому они открыты для обсуждения, их можно подтвердить, дополнить или опровергнуть – любая реакция принесет что-то в эту область, которая требует от нас, чтобы мы посмотрели на нее по-иному. Хочется надеяться, что эта данная книга станет частью этого диалога.

В диалоге, который состоялся в 1920-х годах и действительно приобрел известность, поскольку перерос в жаркую дискуссию, антрополог Бронислав Малиновский утверждал, что разрешения и запреты могут быть более значимыми для отношений между сестрами и братьями, чем для отношений между родителями и детьми. Эрнест Джонс, ведущий психоанали-

тик, был категорически с этим не согласен. Джонс придерживается мнения о фундаментальном значении тотемов и табу для человеческой культуры в целом применительно к инцесту в отношениях между ребенком и матерью и желания убить в отношениях между ребенком и отцом (так называемый эдипов комплекс). Спор не был разрешен, но общая тенденция во всех социальных науках заключалась в том, чтобы отдавать предпочтение вертикальным отношениям ребенка с родителем; а с 1920-х годов прежде всего отношениям ребенка с его матерью. Насколько этот акцент может быть этноцентричным, в какой степени такой анализ может служить идеологической установке, игнорирующей то, что всем известно, а именно важность сиблингов? Недавно в маленькой деревне на юге Франции, которую я хорошо знаю, моя подруга, обсуждавшая со мной своих маленьких дочерей, сказала следующее: «Конечно, в долгосрочной перспективе они гораздо важнее друг для друга, чем я для них, в конце концов, они будут знать друг друга всю свою жизнь».

Игнорирование сиблингов, как это ни парадоксально, отчасти связано с тем повышенным вниманием, которое мы уделяем детству как формирующему этапу человеческого опыта, забывая при этом об этапе взрослости. Эта тенденция, как я полагаю, берет свое начало в западном мире в XVII веке (Aries, 1962); после этого она набирает обороты, достигая пика сначала в XIX, а затем в XX веке. Однако те, кто изучает детей, конечно же, являются взрослыми, и это находит свое отражение в том, что вертикальные отношения родитель – ребенок переносятся на процесс исследования. Это в высшей степени справедливо в отношении психоанализа, который в качестве основного метода прибегает к исследованию «переноса» чувств ребенка к родителям на личность взрослого психотерапевта. Акцент Малиновского на сиблингах стал пониматься как утверждение о важности роли брата матери. Иными словами, исходная проблема стала рассматриваться в «вертикальной плоскости», а вопросы, лежащие в горизонтальной плоскости, остались вне поля зрения.

Рис. 1. Лукас Кранх Старший. «Саксонские принцессы Сибилла, Эмилия и Сидония» (1535). Музей истории искусств, Вена

По словам Малиновского, восемьдесят лет назад детско-родительские отношения жителей островов Тробриан можно было охарактеризовать как любовные, не содержащие даже намека на сексуализацию как с точки зрения влечения со стороны ребенка, так и совращения со стороны родителей. Запретной территорией для них были отношения между братом и сестрой:

Прежде всего, дети полностью предоставлены сами себе в своих любовных делах. Не только нет вмешательства со стороны родителей, но редко, если вообще когда-то случается, что мужчина или женщина проявляют извращенный сексуальный интерес к детям... человек, который играет с ребенком в игру сексуального характера, будет выглядеть нелепым и отвратительным... С раннего возраста... единоутробные братья и сестры должны быть отделены друг от друга, в соответствии со строгим табу, которое запрещает интимные отношения между ними (Malinowski, 1927, p. 57)¹.

Жесткие запреты на любовь между сиблингами усваиваются детьми уже в очень раннем возрасте и, по-видимому, формируют те психические состояния, которые так хорошо описаны в психоанализе в отношении родителей – следствием запрета становится вытеснение, из-за чего возникающие желания оказываются исключительно бессознательными. В то же время аффективные связи с родителями и табуированные отношения между братьями и сестрами социально поддерживаются таким образованием, которое Малиновский называет «детской республикой». Дети образуют социальные группы (брат и сестра не могут находиться в одной группе), в рамках которых дети познают новое, исследуют сексуальную сферу, получают опыт социальной организации, контролируют жестокость посредством игр. Все это происходит без участия взрослых.

Чтение работы Малиновского наводит на некоторые мысли. Приведенный в ней материал подтверждает предположение, которое будет обсуждаться в главе 5, что сексуальность следует отделять от репродуктивности. Кроме того, возникает вопрос, почему мы делаем такой акцент на биологических родителях. Джонс утверждал, что, признавая социального, а не биологического отца, тробрианцы жили в состоянии отрицания. Малиновский ответил, что открытая сексуальная игра детей не приводила к размножению, поэтому для тробрианцев естественно не связывать сексуальность и размножение, если только это не задавалось определенным семейным статусом, вследствие чего большее значение придается социальному, а не биологическому отцовству. Это наводит на мысль о том, что мы принимаем важность биологического отцовства как должное. Мне кажется, что взгляд с позиции социального родства дает возможность по-другому посмотреть на биологическое родительство.

Нам не следует увязать в дебатах о социальном и биологическом отцовстве – обе эти формы возникают в определенных социально-исторических условиях. Я предполагаю, что широко поддерживаемое утверждение об исключительной важности «естественного» отцовства на самом деле является характерной чертой западного общества, которое организовано вокруг идей «свободы, равенства и *братства*», то есть так называемого «людского братства». Фрейд определенно считал, что интеллектуальный скачок, необходимый для принятия роли биологического отца без материальных доказательств реализации родительской функции, как в случае материнства, представляет собой единственное величайшее достижение человеческого прогресса. Однако не только тробрианцам не было нужды в таком скачке. Нам нужно посмотреть на проблему по-другому: когда и почему биологический родитель стал настолько важным для нас? История знает разные примеры: до Второй мировой войны роль биологической матери не считалась важной как среди представителей бедного рабочего класса, так и среди высшего сословия. Одно из первых разногласий между нынешней королевой Англии и

¹ Работа Б. Малиновского переведена на русский язык и опубликована: Малиновский Б. Секс и вытеснение в обществе дикарей. М.: Высшая школа экономики, 2011. – Прим. пер.

ее невесткой Дианой возникло из-за того, что королева выразила свой протест относительно желания Дианы, чтобы Уильям, ее маленький сын, сопровождал свою мать во время ее поездки в Австралию.

Один важный момент для так называемого скачка к утверждению абстрактной идеи, что биологический отец является единственно возможным отцом, относится к дебатам, имевшим место в конце XVII века (глава 9). Не то чтобы биологический родитель являлся принципиальным пунктом противоречия между сторонниками патриархата и теоретиками общественного договора, скорее имел место интерес к рассмотрению позиции родителя в рамках спорных концепций семьи. Для сторонников патриархата, прежде всего для сэра Роберта Филмера, отец был единственным родителем в семье и, следовательно, в обществе – одно было микрокосмом второго. (До XVIII века мать считалась всего лишь средством вынашивания семени отца – см.: Hufton, 1995.) Мое первоначальное знакомство с работами теоретиков общественного договора позволяет предположить, что для разделения частного и общественного принципиальное значение имело помещение понятия биологического родителя в центр категории «частного». Вместо того чтобы считать природу основой общества (точка зрения сторонников патриархата), «природно-биологическое» приравнивается к частной сфере, находящейся внутри, но отдельно от государства. «Природа» – одно из таких ключевых слов, которое знаменует изменение понятия: природные связи являются базовыми, но в то же время они могут быть незаконными, если принадлежность к этой природе не была социализирована. Когда шекспировский Глостер сравнивает своего «законного Эдгара» со своим незаконнорожденным «природным» сыном Эдмундом и говорит: «Я вынужден признать себя его отцом»², – он как будто указывает на новое значение, которое придается биологии в рамках закона.

Не только Фрейд, но и Энгельс, и практически все с начала Нового времени утверждали, что первостепенное значение биологического отцовства объясняется необходимостью знать, что жена является матерью ребенка. Превосходство биологического родства может быть решающим идеологическим постулатом общественного договора – он берет свое начало от «естественного состояния», когда женщины были вне политического устройства. В рамках теории общественного договора биологическое отцовство и материнство – это проявление природы в обществе как неприкасаемого, фундаментального, неизменного анклава. Таким образом, непризнание его важности, утверждает Джонс, будет означать опору на иллюзорное отрицание. Джонс прав с точки зрения Запада, но не с точки зрения общества, в котором внимание уделяется биологической близости сестер и братьев и социальному смыслу отцовства, как если бы социальное отцовство и биологическое сиблинговое родство, с одной стороны, а социальное сиблинговое родство и биологическое отцовство, с другой, образовывали такие согласованные пары. Если родительство воспринимается как биологический конструкт в обществах, в значительной степени основанных на теории общественного договора, биологические отношения братьев и сестер не выступают структурным элементом в социальной организации, а первостепенная важность отдается социальному братству. Из-за такой недооценки значимости биологического сиблингового родства мы упустили из виду широту распространения и важное значение насилия, совершаемого в отношениях между братьями и сестрами (Cawson et al., 2000; см. также главу 3), которое было бы не только совершенно ужасным, но и совершенно очевидным для тробрианцев.

Тем не менее мы, возможно ненамеренно, создали латеральные (горизонтальные) группы сверстников, признавших табу, которое налагается на отношения биологически родных братьев и сестер. Мы учреждаем школы, в которых дети делятся по возрастам, поэтому братья и сестры редко оказываются в одном классе и, следовательно, в одной группе сверстников. Школы, таким образом, функционируют наподобие того, что Малиновский назвал «респуб-

² Пер. Б. Л. Пастернака.

ликой тробрианских детей». Однако существует все то же основное различие: мы сохраняем наши вертикальные структуры с помощью учителей, *занимающих место родителей*.

Итак, по-видимому, наша концентрация на ребенке, берущая начало в XVII веке, является именно такой структурой: взрослый человек смотрит на ребенка сверху вниз, а соответствующий аналитический подход рассматривает ребенка в контексте взрослых, от которых он зависит или вынужден быть зависимым. Это, по крайней мере, отчасти объясняет тот факт, почему сиблингам, даже просто как детям не уделялось достаточного внимания – они неявно присутствуют в общей картине, но выходят на свет только вместе со взрослыми. Считается, что в западных обществах сиблинговый инцест происходит из-за недостаточной родительской заботы и контроля. Это так, хотя возвеличивание социальных, политических и экономических аспектов идеала братства предполагало уменьшение значения кровных родственных связей между сиблингами. Убийство братом своей сестры за измену в мусульманской семье или изнасилование братом младшего сиблинга в обедневшей семье матери-одиночки рассматриваются как сходные случаи. На самом деле они похожи только в том, что происходят вне рамок западного общественного договора. По существу, они, однако, разные. Первый пример относится к социальному порядку, основанному на кровных отношениях, тогда как второй возникает из-за того, что западная система не отводит кровным отношениям соответствующего места и не понимает их значимости. Таким образом, рост насилия и жестокости в детстве происходит не только вследствие ослабления родительских или других вертикальных полномочий по уходу и контролю, а также и из-за того, что биологическому сиблинговому родству не отведено соответствующего места в социальном устройстве государства, основанного на абстрактных идеалах социального братства. Это, конечно, не оправдывает убийство сестры, совершившей измену: я просто привожу пример из другой социальной системы, чтобы проиллюстрировать, что западное изумление другими практиками демонстрирует не просто нашу «инаковость», а скорее внутренний отказ от социализации кровного сиблингового родства под западным знаменем «свободы, равенства и братства». Опора на социально дарованную власть природных родителей в частной сфере (и их заместителей в социальной сфере, как если бы эти заместители были также природными) обеспечивает господство социального братства как идеала, в то время как бесчинства природного братства могут оставаться незамеченными (или осуждаются как результат отсутствия вертикальной власти), потому что ему не отводится должного социального места.

Аналогичным образом из-за нашей заикленности на вертикальных отношениях мы считаем, что именно родители и их заместители должны ограничивать насилие над детьми. Мы также утверждаем, что насилие в первую очередь направлено против авторитетной фигуры, обладающей властью, – матери, отца или учителя. И все же, конечно, и в школах, и в детских республиках на островах Южного моря мальчики дерутся друг с другом, а девочки от них не отстают. Я полагаю, что мы упустили из виду угрозу, исходящую от нового ребенка, который занимает наше место, или от старшего сиблинга, который был на этом месте до нашего рождения. Это приводит к идентификации с серьезным травматическим чувством несуществования, которое будет «разрешено» в борьбе за власть: психическое уничтожение создает условия для желания уничтожить того, кто несет за это ответственность. Здесь разыгрывается противостояние: сильный-слабый; большой-маленький; мальчик-девочка; бледнее-темнее. Во взрослых войнах мы побеждаем, убиваем и насилуем наших сверстников. Однако, по иронии судьбы, именно в обществах, основанных на общественном договоре братства, эта деятельность не контролируется в горизонтальной плоскости. Наш воображаемый социальный индивид принимает во внимание только вертикальную власть. Наш образ островной южноморской республики детей запечатлен в романе «Повелитель мух» – беспредел и убийства среди мальчиков.

За идеалом братства, который существует в рамках общественного договора при отсутствии горизонтального контроля, стоит тиранический брат. Горизонтальный взгляд меняет

пространство анализа. Никто в здравом уме не мог бы поверить, что построению великой империи будет хотя бы в малейшей степени способствовать уничтожение разрозненного народа, называемого «евреями», но почему же так много людей посчитали это возможным? Почему хулиган на игровой площадке получает поддержку, когда нападает на безвинную жертву? Жертва не олицетворяет собой скрытую уязвимость тирана, как это обычно понимают, а скорее являет собой травмирующее искоренение самого его существа, которое может быть восстановлено только за счет маниакальной грандиозности – место есть только для меня. Приверженцы тирана/ хулигана тоже оказываются «ненаполненными собой», разделяя с пустым, но грандиозным тираном/хулиганом ощущение искоренения себя – в них индуцируется травма. В маниакальном возбуждении тиранической риторики исчезает индивидуальность личности и суждения, пока все не станут единым целым. «Изначальное событие», когда реальный или воображаемый сиблинг занимает мое место, когда другой оказывается на моем месте, воспроизводится бесконечное количество раз, если оно не разрешено. Жертвы, которые подвергаются издевательствам, воспринимаются как те, кто старается занять место тирана/хулигана. Другие поддерживают это безумное видение, потому что в них тоже может отзываться эта «универсальная» травма смещения/замены.

Отчаянная грандиозность, присущая Я тирана, и видения империи содержат в себе как сексуальность, так и жестокость, которые маскируют любовь к себе и необходимость сохранять ее в момент грозящей опасности. Однако, как выяснили дети, только правильная социальная организация сиблингов и сверстников может противостоять непрекращающемуся отыгрыванию тираном/хулиганом неразрешенной травмы, связанной с повторяющимся проживанием момента своего уничтожения. Такая организация предполагает сестринство и братство, где есть место для равенства, достоинства и права. Взгляд на сиблингов означает новый взгляд на секс и жестокость. Если мы поместим в поле нашего зрения сиблингов, то та картина, которую мы привыкли видеть, существенно изменится.

Глава 1

Сиблинги и психоанализ: обзор

В наше время странно говорить об особом значении сиблингов. Во всем мире темпы прироста населения снижаются; на Западе эти показатели в основном ниже уровня замещения поколений¹. Китай, в котором проживает более одной пятой мирового населения, предпринимает усилия для активного внедрения семейной политики «один ребенок»³, добившись значительных успехов в городских центрах. Много ли братьев и сестер будет в будущем (и будут ли они вообще)?

Тем не менее в этой книге утверждается, что сиблинги необходимы для любой социальной структуры и важны в психическом смысле для всех социальных отношений, включая отношения родителей и детей. Интернализированные социальные отношения формируют психическую структуру личности. В частности, высказывается мнение, что сиблинги были практически исключены из поля внимания. Наше понимание психических и социальных отношений основывалось на вертикальном взаимодействии: восходящих и нисходящих линиях между предками, родителями и детьми. На протяжении большей части XX века модель строилась вокруг отношений между младенцем и матерью; до этого в фокусе были отношения ребенка и отца. Теперь мы приходим к пониманию того, что обеспокоенность сексуальными и насильственными действиями со стороны родителей (особенно со стороны отчимов) заслоняет те бесчинства, которые происходят в отношениях между сиблингами (Cawson et al., 2000). Почему мы не учли, что для описания любви и сексуальности, ненависти и войны, разворачивающихся в латеральных отношениях, нам нужна соответствующая теоретическая парадигма, с помощью которой мы могли бы анализировать, рассматривать эти отношения и искать пути влияния на них? У меня нет четкого ответа на этот вопрос, но я уверена, что нам необходима смена парадигмы, чтобы перейти от ситуации вертикального доминирования к взаимодействию горизонтальной и вертикальной плоскостей в социальном и психологическом контекстах. Почему только один набор отношений должен определять образ нашего мышления, почему только он должен преобладать повсеместно и во все времена? Даже если в мире будет меньше полнородных братьев и сестер, все равно будут существовать латеральные отношения, то есть те отношения, которые имеют место на горизонтальной оси, начиная с братьев и сестер и заканчивая сверстниками и свойственниками. В полигинных обществах, в социальных условиях с высокими показателями материнской смертности, разводов и повторных браков, а также в контексте полиаморных отношений можно говорить лишь об увеличении удельного веса неполнородных братьев и сестер, которые при этом не перестанут общаться между собой.

Можно и следует утверждать (Winnicott, 1958), что крайне важно, чтобы в раннем детстве мы прорабатывали проблемы социального взаимодействия, с которыми столкнемся в будущем, в отношениях с братьями и сестрами. Если нам не удастся преодолеть наше стремление к кровосмесительной связи или желание убить сиблинга, будем ли мы разыгрывать различные вариации на эти темы в более поздних латеральных отношениях со сверстниками и ровесниками в любви и на войне? Фрейд утверждал, что для того, чтобы жениться на своей женщине, мужчина должен в детстве понять, что он не может жениться на матери (эдипов комплекс)². Я полагаю также, что мужчине не менее важно знать, что он не может взять в жены свою родную сестру, чтобы иметь потом возможность жениться на психологической преемнице своей сестры (а не только своей матери). Но действительно ли мы вступаем в брак с кем-то, кто похож на нашу

³ В ноябре 2015 года в Китае принят закон, официально отменяющий политику ограничения рождаемости, известную по принципу «одна семья – один ребенок». – *Прим. пер.*

сестру или нашего брата? Было высказано предположение, что идеальная ситуация для успешных гетеросексуальных отношений возникает из сочетания детских запрещенных кровосмесительных желаний человека, направленных на кого-то, кто отдаленно похож на изначальный инфантильный объект любви, со взрослым влечением к тому, кто немного напоминает его самого. Нередко говорят: она вышла замуж за своего отца или он женился на своей матери, имея в виду, что брачный партнер имеет черты сходства с родительской фигурой. Можно ли тогда допустить, что мы заключаем браки с нашими братьями или сестрами? В литературе делается акцент на эдипальном желании убить отца, но кого мы преимущественно убиваем – отцов или братьев?

Как мы можем оценить относительную важность нашей вертикальной любви или ненависти к нашим родителям и наших горизонтальных эмоций, которые мы испытываем к нашим братьям и сестрам? На войне мы сражаемся бок о бок с нашими братьями, а не с отцами: братская любовь и ненависть по-видимому, лежит в основе того, кого мы можем и не можем убивать. Первая мировая война показала, что «братская» лояльность была необходима для успеха, и, как писал поэт Уилфред Оуэн, убитый враг также является братом. Все то, что происходит между братьями и сестрами – полнородными, неполнородными, сводными и даже нерожденными, но всегда ожидаемыми, потому что в детстве все боится потерять занимаемую позицию в семье, – ложится в основу взаимодействия между товарищами по играм и сверстниками. В центре того, что Леви-Стросс называет «атомом родства» (Levi-Strauss, 1963), находятся братья и сестры; именно этот атом представляет для меня основной интерес в рамках этой книги. Влияние психоанализа с его акцентом на эдипальном и вертикальном вышло далеко за его пределы. Я хотела бы добавить латеральную ось к психоаналитической теоретической и клинической перспективе. Меня также интересует, как это соотносится с теориями группового поведения и социальной психологии в целом.

Недавно я разговаривала с группой клинических психологов и психотерапевтов о месте братьев и сестер в их работе. Я поделилась одной историей и задала вопрос: «Всемирная служба ВВС сообщила, что южный индийский штат Керала объявил о расширении услуг по уходу за детьми и младенцами. Зачем они это сделали?». Лаская мой феминистический слух, все присутствующие в аудитории ответили, что это даст возможность большему количеству матерей выйти на работу. Таковым изначальным было и мое собственное предположение. На самом деле таким образом в штате с невероятно высоким уровнем грамотности девочкам обеспечили возможность ходить в школу. Очевидно, уровень грамотности снижался, потому что сестры должны были оставаться дома, чтобы заботиться о младших братьях и сестрах. В очередной раз я была поражена нашей этноцентрической установкой, изолирующей братьев и сестер от детерминант, действующих в социальной истории и в психодинамике как отдельных людей, так и социальных групп. Подтверждением этой этноцентричности является тот шок, который переживает западное сознание, когда узнает о количестве возглавляемых детьми домохозяйств в пораженных СПИДом странах Африки к югу от Сахары.

Предположение заключается в следующем: признание важности отношений между сиблингами и всех сходных с ними латеральных отношений должно привести к смене парадигмы, что бросит вызов превалирующим в настоящее время вертикальным парадигмам. Матери и отцы, конечно, очень важны, но социальная жизнь определяется отношениями не только с ними, как считают наши западные теории. Ребенок рождается в мире, населенном не только родителями, но и сверстниками. Выходит ли наше мышление за бинарные рамки?

Существует вторая гипотеза, оформленная менее четко, чем первая, согласно ей, ситуация, в которой вертикальная парадигма доминирует и практически исключает другие, возникла в связи с тем, что социальная и индивидуальная психология изучалась с мужской точки зрения. Обращаясь к моей области исследований, то есть к психоанализу, я обнаружила, что многие теоретические понятия, объясняющие феминность, поразительным образом совпа-

дают с теми понятиями, которые нам нужны, чтобы включить сиблингов в общую картину. В отношениях между братьями и сестрами приоритетными оказываются такие переживания, как страх аннигиляции, страх, свойственный девочкам, в отличие от мужского страха перед кастрацией. Они также включают в себя страх потери любви, который обычно ассоциируется с девочками; чрезмерный нарциссизм, который должен найти подтверждение в том, чтобы быть объектом, а не субъектом любви. Сиблинги и феминность имеют схожую судьбу: их обычно упускали из виду.

Психоанализ, как и все великие теории, следовал образцу, который предполагает, что нормальное приравнивается к мужскому. Из этого парадоксальным образом следует, что мужская психика считается чем-то само собой разумеющимся и остается невидимой. Современный феминистский вызов этой идеологии означает, что маскулинность становится объектом исследования. Изучение родных братьев и сестер и отношений между ними позволит обоим полам занять свое место в аналитической картине. Я полагаю, что фигуры брата и сестры находятся в основе таких почти забытых понятий, как эго-идеал – старший сиблинг идеализируется как тот, кем хотел бы быть младший, иногда это превращенная в противоположность ненависть к сопернику. Сиблинговые отношения могут иметь отношение к структуре, лежащей в основе гомосексуализма. Братья и сестры также помогают в решении постмодернистского вопроса относительно проблемы мышления эпохи Просвещения, согласно которому сходство приравнивается к маскулинному, а различие – к феминному. Постмодернистский феминизм был заинтересован в том, чтобы продемонстрировать, что такое единство, понимаемое как объединение «одного и того же», достигается только путем исключения того, чего оно не хочет впускать в себя как отличающееся. Мужское единство достигается ценой исключения женского как другого или отличающегося. Братья изгоняют из своей общности сестер, или феминность.

За этим утверждением в пользу структурирующей важности латеральной плоскости отношений можно увидеть переход от модернизма к постмодернизму и от казуальных к коррелятивным объяснениям. Если выстраивать связь сиблингов и отношений между маскулинным и феминным по оси одинаковости/различия, то роль феминизма (и возрастающей «схожести» мужских и женских ролей) может заключаться в том, чтобы способствовать усилению латеральности по сравнению с вертикальностью. Социальные изменения лежат в основе этого сдвига. Например, наследование происходит по вертикали, но эта практика, вероятно, идет на спад, и во Флориде пенсионеры клеят на автомобили наклейки: «Мы тратим ваше наследство», что указывает на новую тенденцию. Несмотря на рост бедности среди женщин, если они имеют оплачиваемую работу, то вполне могут обеспечить себя материально. На данном этапе эти мысли являются не более чем умозрительными направлениями для исследования, но, по-видимому, они заслуживают дальнейшего изучения, что предполагает снижение важности происхождения и повышение важности альянса.

Истерия и сиблинги

Последующие главы книги являются результатом длительного изучения истерии, преимущественно с точки зрения психоанализа³. Это исследование также было поддержано интересом феминисток второй волны к истерикам как к протофеминисткам (Сіxous, 1981; Cleme, 1987; Gallop, 1982; Hunter, 1983; и др.) – женщинам, для которых истерия была единственной формой протеста, доступной при патриархате (Showalter, 1987, 1997). Вместо того чтобы изучать истерию феминисток, я давно интересуюсь мужской истерией. Наличие мужской истерии (наряду с анализом сновидений) позволило Фрейду развить психоанализ как теорию, основанную на наблюдении бессознательных процессов, которые являлись универсальным атрибутом психики и выражали себя главным образом при столкновении с социальными барьерами, затрудняющими проявление сексуальности. Совершенно очевидно, что все понимают, что не должны совершать инцест, но истерик в каждом из нас хочет сделать именно это, хочет сделать то, что не разрешено. Истерические симптомы, такие как истерическая слепота, усталость, неподвижность или определенные аспекты некоторых расстройств пищевого поведения, обнаруживают как тайные сексуальные желания, так и запрет на них, который истерик не желает признавать. В межкультурном и историческом контексте истерия ассоциировалась почти исключительно с женщинами. Мужская истерия (описанная Шарко во второй половине XIX века и проанализированная Фрейдом, который учился у него), продемонстрировала, что эти процессы не относятся к определенной популяции – ни к «дегенератам» (как обычно думали в XIX веке), ни к больным, ни к женщинам. Признание факта мужской истерии в конце XIX века позволило понять, что симптомы истерии являлись отражением большого числа обычных и универсальных процессов. Преувеличенный характер невротических проявлений показывает нам психопатологию обыденной жизни каждого.

Однако, когда была продемонстрирована универсальность бессознательных процессов, диагноз истерии претерпел изменения. Она перестала считаться болезнью, крайние проявления которой резко контрастируют с нормальностью; скорее она стала считаться аспектом личности, преимущественно женской. Примерно 70 % страдающих «истерическим расстройством личности» (согласно DSM-III) в Соединенных Штатах – женщины. Истерия стала аспектом или способом выражения женской идентичности. Мы бесконечно ходим по одному и тому же кругу, когда истерия становится синонимом женщины, а феминность – синонимом истерии.

Истерия сбросила с себя ярлык болезни, но в своей психоаналитической клинической работе я все еще могу наблюдать истерию как нечто большее, чем расстройство личности (или же как таковое). Истерия давно перестала быть распространенным диагнозом (Brenman, 1985), но в социальной и политической жизни существование и широта разговорного использования термина казались оправданными. Эти два фактора заставили меня взглянуть на проблему не только с исторической, но и этнографической точки зрения. Казалось, нет сомнений в том, что истерия всегда была универсальным феноменом: у всех нас могут быть истерические симптомы или истерические действия, а если такого рода проявления становятся образом жизни или эти симптомы сохраняются, этот человек может оказаться истериком. Тогда встает вопрос: почему истерия везде и всегда была связана с женщинами, хотя ей могут быть подвержены и мужчины?

Психоаналитическое объяснение того, что истерия была, так сказать, рефеминизирована после того, как было признано ее наличие у мужчин, связано с важностью доэдипальной привязанности девочек к матери. «Закон», исходящий от места Отца (Lacan, 1982a, b), устанавливает запрет на эдипальные желания ребенка по отношению к матери (любовь Эдипа к своей матери-жене Иокасте). Закон, который угрожает символической кастрацией (комплекс кастрации), запрещает фаллическую любовь к матери. В результате происходит дифференциация

полов; и мальчик, и девочка подвергаются угрозе кастрации, если нарушается закон, но девочка никогда не займет место отца по отношению к заместителю матери. Вместо этого она должна изменить свою позицию: она должна встать как бы в положение матери и быть объектом любви для своего отца. Девочка должна отказаться от своей матери как объекта своей любви и вместо этого стать как она.

В «идеализированном» нормативном мире она затем пытается завоевать любовь своего отца, чтобы восполнить нарциссическую рану, связанную с отсутствующим фаллосом, который желает ее мать. Попирая закон, истерическая девочка настаивает на том, что у нее есть этот фаллос для ее матери (мужская позиция, фаллическая позиция истерика), и в то же время жалуется, что у нее его нет (женская позиция, пустое обаяние и постоянные жалобы истерика), и она должна получить его от отца.

Подобная классическая интерпретация получила новые акценты и была дополнена. Меня интересовал тот факт, что, если склонность к истерии признается «универсальной» (или «трансверсальной» – присутствующей повсеместно, но в различных формах), что общего у ее различных проявлений? Истерия всегда и слишком велика, и недостаточна – она располагается между грандиозностью и психическим коллапсом. Как это проявление согласуется с психоаналитической интерпретацией? Я предполагаю, что истерик – мужчина или женщина – драматизирует предполагаемую фаллическую позицию и в то же время считает, что у него или нее удалили пенис, что, в свою очередь, означает, что у него или у нее ничего нет. Таким образом, женщина-истерик кажется одновременно чрезвычайно мощной и ужасно «пустой». Она не только интроецирует фаллическую потенцию, как будто полагая, что это был настоящий пенис, она также чувствует себя опустошенной, потому что, не потеряв ничего, не имеет внутренней репрезентации этого. Несмотря на то, что она выглядит фаллической, она колеблется между «пустой» маскулинной позицией по отношению к своей матери и пустой феминной позицией по отношению к отцу; «пустой», потому что она не интернализировала «потерянную» мать и не приняла «потерянный» фаллос. Ее тяга к обоим является навязчивой и непрерывной. В обоих аспектах ситуации она демонстрирует, что не усвоила символический закон: она считает (как и многие, кто читает психоаналитические теории), что фаллос, настоящий или отсутствующий, представляет собой реальный пенис. Таким образом, она бесконечно соблазняет, как будто таким образом она получит настоящий пенис. На карту также поставлен вопрос нарциссической любви (любви к себе) и так называемой «объектной любви» (любви к другому). Я вернусь к этому вопросу, так как считаю, что его невозможно понять без рассмотрения сиблинговых отношений. Объяснение всех этих проявлений истерии требует внимательного изучения сиблингов. Но другой фактор – признание мужской истерии – также ставит под сомнение, что истерия может быть объяснена с точки зрения вертикальных межпоколенческих связей.

Мужская истерия казалась маловероятной с точки зрения здравого смысла. Западное название этого заболевания происходит от греческого слова «матка», и многие врачи XIX века возражали против мужской истерии именно по этим причинам. Однако это не имеет отношения к психической жизни: мужчины воображают, что у них есть матки и что у них нет пенисов. Мужчина-истерик, верящий в свою способность зачать, выносить и родить, пребывает в заблуждении. Следовательно, в мужской истерии может быть психотический элемент, который, в свою очередь, влечет за собой то, что истерику считают «более серьезной». Но вера в то, что у него есть матка или нет пениса, также помещает мужскую истерику в женскую позицию, и именно тогда мужчина начинает осознавать себя истериком. Отвержение мужской истерии произошло одновременно с отказом от феминности. Из этого складывается странное уравнение: мужская истерия является женской, поэтому ее маскулинность исключается; феминность становится болезнью. В 1920-х годах британский психоаналитик Джоан Ривьер описала историю болезни пациентки, чья феминность (или «женственность») была маскарадом (Riviere,

[1929]⁴). Несколько десятилетий спустя Жак Лакан писал, что феминность сама по себе является маскарадом (Lacan, 1982a, b). Маскировка имеет решающее значение для истерии, но следует отличать ситуации, когда вы «надеваете» феминность и когда женственность сама по себе является модной одеждой.

Истерик должен наряжаться: чувствуя себя опустошенным, он нуждается в одежде, чтобы обеспечить свое существование, но, если он выберет женственность, оставаясь при этом предметом желания, эта женственность будет использовать все тело, как если бы тело было фаллосом, и феминность, таким образом, сама по себе будет фаллической. Если в качестве маскарадного костюма он выберет маскулинность, его фаллическое позерство будет выглядеть не менее недостоверным из-за того, что это выставляет напоказ мужчина. Однако во всех этих эдипальных случаях истерии важное значение отводится бессознательной сексуальности, возникающей из-за неспособности полностью подавить кровосмесительные эдипальные желания. Здесь возникает ключевой вопрос, имеющий непосредственное отношение к рассматриваемой нами теме сиблингов. Тем не менее в определениях истерии есть и второе направление, которое, как я считаю, также указывает на то, что мы должны принимать во внимание братьев и сестер. Речь идет о важности травмы. Со времен Шарко травма считалась решающей в этиологии мужской истерии; поскольку истерия оказалась рефеминизирована, травмирующий элемент был в значительной степени забыт.

Когда Жан-Мартен Шарко объявил о распространенности мужской истерии в своей огромной государственной клинике Сальпетриер в Париже, он добавил новое измерение в этиологию. Он утверждал, что в случаях мужской истерии, с которыми он имел дело, не было ничего женоподобного; мужчины реагировали неорганическими физическими симптомами (то есть истерическими симптомами) на некоторую травму – несчастный случай на работе или в поезде, драку на улице и т. д. Схожесть симптомов, которые демонстрировали мужчины – жертвы Первой мировой войны, не имевшие реальных травм, с симптомами классической женской истерии подтвердили эту возможность. Однако связь между травмой и истерией остается не проясненной (Herman, 1992) и сама по себе является предметом для исследования. Но мое намерение иное. Коротко говоря, я утверждаю, что между травматическим неврозом (как стали называть военную истерию) и истерией разница существует, но эта разница не сводится к отсутствию или наличию травмы. Обычно отмечается различие в том, что травма в случае травматического невроза является реальной и действительной, а в случае истерии скорее имеет место фантазия о травме. Я смотрю на эту ситуацию по-другому. В обоих случаях имеет место травма. При травматическом неврозе травма находится в настоящем, при истерии – в прошлом. В случае истерии забытая травма прошлого постоянно воссоздается через отыгрывание, действительно имеет место драматизация кризисных ситуаций. Незначительные препятствия, стоящие на пути для получения того, чего кто-то хочет, рассматриваются как травмирующие, но когда-то в раннем детстве эти препятствия были на самом деле травмирующими для истерика.

Что такое травма? В самом общем виде травма представляет собой прорыв защитного барьера насильственным (физическим или психическим) способом, опыт проживания которого не может быть проработан и интегрирован: в психике или в теле, или в том и другом сразу пробивается брешь, оставляя после себя открытую рану или пустоту внутри. Чем со временем заполняется эта пустота, образованная в результате травмы? Имитация присутствия или объекта, который образовал эту дыру в теле или психике, имеет решающее значение. Если, например, в фантазии человек убивает отца, а потом становится мертвым отцом, кажется,

⁴ В случаях, когда это представляется целесообразным, в квадратных скобках указаны даты первой публикации, чтобы обозначить время появления данной работы. Номера страниц, указанные в тексте, относятся при этом к более позднему изданию.

он пытается заполнить этот пробел. Истерия определенно включает подражание, имитацию ряда психических и телесных состояний. Таким образом, она, подобно хамелеону, принимает цвет в соответствии с преобладающим окрасом окружающей среды, проявляясь, например, как расстройство пищевого поведения в «худощавой» культуре богатого ожирением мира или как «железнодорожный позвоночник», когда железные дороги только появились и вызывали страх⁵. Истерия в данном случае вызывает преувеличение нормального: истерическое подражание настолько точно, что нет разделения между тем, чего нет, и тем, кем человек стал, чтобы быть уверенным, что это все еще есть.

Подражание это, хоть и принимает разные формы, неслучайно. Его смысл связан с опытом и личной историей человека. Применительно к теме отношений братьев и сестер я хочу посмотреть не на индивидуальные ситуации, а на общую картину. Во все времена и в разных местах одним из наиболее заметных истерических подражаний является подражание смерти в ее различных обликах (King, 1993). Хотя известно, что в крайних случаях истерики совершают самоубийство, общая истерическая тенденция притворяться мертвым понималась только как воплощение желания. Хотя психоанализ привлек внимание к прорыву табуированной сексуальности при истерии, он ограничился только случайными наблюдениями относительно осуществления травмы в имитации смерти (Freud, [1928]). В стремлении провести разграничительную черту между истерией и травматическим неврозом психоанализ не интегрировал это измерение в свой теоретический корпус. В случае травмы, впоследствии воображаемой или разыгранной как смерть, Эго, или Я, или субъективная позиция, уничтожаются. Сиблинги могут помочь объяснить и это.

В истории Эдипа объединяются истерическая сексуальность и опыт переживания травмы. Прежде чем жениться на своей матери, Эдип невольно убивает своего отца. Он совершил это во взрослом возрасте, а в детстве его оставили на склоне горы (по указанию отца), чтобы он умер и, таким образом, избежал бы своей судьбы и не убил бы своего отца. В этой истории травма умышленного детоубийства, кажется, привела к последующей инцестуозной сексуальности. Но если это так, то эта травма определенно относится к доэдипальному периоду: опасная ситуация, в которой оказывается ребенок Эдип, символизирует беспомощность новорожденного, когда рядом с ним нет никого, кто мог бы позаботиться о нем. Убийство отца – это реакция на желание отца убить сына. Тем не менее смерть отца устраняет препятствие для кровосмесительной связи с матерью – того, чего отец, вероятно, боялся в первую очередь.

В доминирующей психоаналитической теории наличие сиблинга, существующего или будущего, важно, потому что это указывает на то, что у матери есть сексуальные отношения с отцом. Согласно не получившей признания модели ядерной семьи, это один и тот же отец. Если вместо этого мы думаем о полигинных родственных группах, то становится ясно, что родной брат или родная сестра преисполнены сексуальностью не только ввиду своего положения в семье, будучи ребенком тех же родителей, но и независимо от них, сами по себе. В частности, появление или ожидание сиблинга объединяет сексуальность и травму, что так ярко проявляется в истерии. Вспомним, что сексуальность следует понимать не как генитальность, а как многогранную или «полиморфную» либидинальную любовь, любовь, которая может быть направлена на различные объекты и выражаться в различных чувствах, это то, что малыш чувствует к новому ребенку, или то, что младенец чувствует к старшему сиблингу. Но обожаемый сиблинг, вызывает не только любовь, но и ненависть, так как он занял место другого ребенка, который это место уже больше не сможет вернуть, или старшего брата либо сестры. Сиблинг угрожает уникальности субъекта. Экстаз любви к кому-то, похожему на тебя, переживается одновременно с травмой уничтожения тем, кто занял твое место. Я полагаю, что если

⁵ В XIX веке людям, выжившим при крушениях поездов, ставили диагноз «железнодорожный позвоночник», так как врачи полагали, что истерические состояния пациентов возникают из-за сдавливания позвоночника. – *Прим. пер.*

любовь/ненависть к тому, кто занял твое место, не будет преодолена, то на более позднем этапе истерия будет проявляться в регрессе к таким проявлениям ребенка, оказавшегося в опасном положении. Страдающие от истерического расстройства личности характеризуются как действующие неуместно соблазнительным или провокационным образом, эмоционально поверхностные, склонные к драматизированию и вспышкам гнева, использующие свое тело для привлечения внимания и легко поддающиеся внушению. Эти качества можно наблюдать у любого малыша, который подвергается стрессовому воздействию, как мне кажется, они возникают в ответ на травму сиблингового смещения.

Психология групп и сиблинги

В психической жизни человека неизменно участвует кто-то еще как модель, как объект, как помощник, как противник.
(Freud, [1921], p. 69)

Если человек не может быть другом для своих друзей, он не может быть врагом для своих врагов.
(Bion, [1948], p. 88)

Психоанализ предлагает не только наблюдения относительно важности горизонтальных отношений, но также, я полагаю, и перспективу для теоретического осмысления их относительной автономии. Тема сиблингов получила освещение в самых ранних работах. Так, в работе «Психологии масс и анализ человеческого Я» (Freud, 1921) Фрейд пишет о том, как потребности в социальной справедливости проистекают из ситуации «в детской». Интенсивная ревность, соперничество и зависть между братьями и сестрами (а позже и школьниками) превращаются в требования равенства и справедливости. Для Фрейда с его патриархальным предубеждением все должны быть одинаково любимы отцом или его заместителем; никому не должно доставаться больше положенного, неравенство не должно быть ни законодательно закреплено, ни обусловлено правом первородства, ни гендерной принадлежностью, к чему я еще вернусь.

В последующих главах, где интерпретируются горизонталь и вертикаль, я предлагаю обсудить вопрос о том, что, прежде чем дети будут признаны своим отцом как равные в своей одинаковости, они должны быть признаны матерью как имеющие равные права на то, чтобы отличаться друг от друга. Это будет первое решающее вертикальное отношение для сиблингов. Я условно обозначила это термином «закон матери». Тем не менее существуют и независимые латеральные отношения, которые также необходимо изучить.

За последние двадцать лет различные области психологии развития уделяли внимание межсиблинговым отношениям (напр.: Boer, Dunn, 1992), демонстрируя богатство автономного взаимодействия между ними. Находит подтверждение представление о том, что метапсихология должна концептуализировать отношения между сиблингами как относительно независимые автономные структуры. Рассматривая их с позиций психоаналитического взгляда на группу, я бы сказала, что нам нужно начать с размышлений о формировании Эго и эго-идеала: кем я являюсь и кем я хотел бы быть.

Склонность человека к неврозам частично зависит от разделения человеческой психики. Важнейшее из них – разделение на Эго и эго-идеал. Сложно представить, чтобы другие млекопитающие также интенсивно ощущали проблему того, кем они являются, не говоря уже о том, чтобы ощущать, что это отличается от того, кем они хотели бы быть, от их идеала. Для людей этот идеал может быть интернализацией кого-то, к чьему статусу (как реальному, так и надуманному) стремится субъект (Эго). Но возможен и вариант, когда это жесткий критик Эго под маской угрызений совести. Согласно классическому теоретическому объяснению, этот идеал формируется под влиянием реальной отцовской фигуры. Ребенок усваивает (интернализует) его одобрение или цензуру так, что психическая репрезентация отца становится аспектом собственной личности субъекта. Это почти наверняка так. Но не может ли быть так, что в качестве такого образца выступает другой ребенок – героический или критикующий старший (или другой) сиблинг? Для большинства из нас, когда наша совесть критикует нас, заставляя нас чувствовать себя хуже, голос, который мы слышим, напоминает насмешки не взрослых, а других детей. Действительно, ребенок в латентном периоде (между пятью и десятью или одиннадцатью годами) нередко деинтернализует эти голоса и слышит их, как будто они снова зву-

чат во внешнем мире, исходя из уст его сверстников. Это разные «театральные» партии, а не расщепление и дезагрегация, наблюдаемые при шизофрении. Но это сходство указывает на то, что при формировании и разрушении эго-идеала имеет место не эдипальное «овнутрение» отца, а интернализация сиблингов и сверстников. Патологические варианты имеют тенденцию быть более психотическими, чем невротическими, поскольку именно при психозе происходит фрагментация Эго. Невротик искажает реальность, а психотик не имеет с ней дела. Мы наблюдаем распавшееся Эго в снах, которые считаются психотическими переживаниями каждого человека.

Если мы перенесем это наблюдение относительно распада и психоза в групповую психологию, мы сможем приблизиться к пониманию бредовых аспектов, к которым, к счастью или к несчастью, склонны группы. Другая сторона распада – ложное единство. В соответствии с групповой иллюзией, такой как общая религия, все индивидуальные Эго рассматриваются так, будто они являются частью единого Эго. Это может стать групповым заблуждением, согласно которому одна группа может быть уверена в том, что она является единым целым, выступая против других. Например, первоначальная объединенная группа полагает, что другая группа меньшинств уничтожит большинство или посредством интенсивного размножения станет большинством. Если в основе этого континуума от нормальной иллюзии единства к патологическому заблуждению лежат латеральные отношения, то одна из причин, почему теории групповой психологии не продвинулись дальше определенной точки, может быть связана с тем, что, во-первых, братья и сестры были исключены из поля внимания, во-вторых, потому что проводится сравнение с индивидуальным неврозом, когда на самом деле именно психоз является более подходящей сферой исследования. Невроз не подразумевает распада или иллюзорного единства Эго.

Вернемся к тому, что, возможно, эго-идеал ребенка формируется не столько под влиянием эдипального отца, сколько под влиянием сверстника. Кажется, еще недостаточно изучен тот очевидный факт, что младенец испытывает восторг при виде другого ребенка. Маленький ребенок ерзает от радости, наблюдая за проделками старшего ребенка. Ребенок в автобусе оживляется при виде другого ребенка: знает ли он, что он похож на него, и если да, то как? Этот экстаз младенца, когда он наблюдает за взрослым или другим ребенком, будет иметь важное отношение к патологической маниакальности при маниакально-депрессивных состояниях. Мания и депрессия являются групповыми явлениями – наивысшие точки групповых переживаний могут быть чрезмерными, а их последствия меланхоличными. Маниакально-депрессивное состояние понимается как зависимость от вертикальной (в данном случае материнской) оси. Но если мы обратимся к нормальному переживанию радости и печали, то его интенсивность у ребенка будет, по крайней мере, одинаковой как при взаимодействии с другим ребенком, так и при взаимодействии с родителями. Причем в первом случае интенсивность будет возрастать после того, как ребенку исполнится год. Конечно, ребенок приходит в восторг от взгляда своей матери или от способности трясти своей собственной погремушкой, но двигательная активность другого ребенка очаровывает его и вызывает большой прилив радости.

Фрейд подчеркнул, что большинство из нас любит детей и животных, которые кажутся нам особенно самодостаточными, таких как кошки, поскольку в их целостности мы находим нарциссизм, с которым мы можем идентифицироваться, и посредством этой идентификации мы можем восстановить свою целостность в воображении. Если это так, то критика, высказанная Рене Жираром (Girard, 1978) в отношении фрейдовского постулата о первичном нарциссизме, как мне кажется, открывает определенные возможности. Жирар использует сочинения Марселя Пруста для развития своей мысли о том, что мы не попадаем в этот мир, обладая нарциссической целостностью (точка зрения Фрейда), которая постепенно сокращается, когда мы начинаем любить других, от которых мы зависим. Напротив, наши новорожденные Я «пусты» и заполняются посредством миметической идентификации с другими, как

со старшими детьми, так и с родителями, которые кажутся целостными. Затем младенец развивает свое собственное нарциссическое Эго из этих первичных идентификаций с другими детьми, особенно с братьями и сестрами.

Классический психоанализ, однако, описывает новорожденного как находящегося в состоянии «первичного нарциссизма». Необходимо дать пояснение этому, если мы хотим разобраться во влиянии сиблингов и сверстников. Первичный нарциссизм означает переживание «единства» со своим окружением, сначала в утробе, а затем с матерью. Однако в этом нарциссизме Эго отсутствует или развито слабо. Оно будет развиваться через первичную идентификацию. В значительной степени такие идентификации будут миметическими, хотя собственное тело ребенка, его потребности и побуждения будут отвергать мимесис и придавать ему индивидуальность, создавая таким образом матрицу взаимообмена, intersубъективности и взаимности. Появляющийся на почве первичного так называемый «вторичный нарциссизм», свойственный Эго, которое не столько развивается (хотя и будет развиваться), сколько колеблется между присутствием и отсутствием – ощущением полноты и пустоты. Мелани Кляйн объясняет это в контексте процессов расщепления и проекции хороших и плохих реакций на мать. Тем не менее вклад братьев и сестер в качестве других у материнской груди кажется решающим.

То, что индивид с самого начала является социальным существом, – на мой взгляд, аксиома. Тем не менее я думаю, что наличие социальной природы может также означать и то, что индивид становится самим собой в группе, которая даже в случае нуклеарной семьи будет вовлекать других детей, по крайней мере, во время визитов к врачу, на улице или в автобусе. Понятие «ребенок» будет меняться как в историческом, так и в межкультурном отношении, однако мы, как представляется, всегда полагаем, что оно, прежде всего, обозначает того, кто отличается от взрослого (в частности, от родителя). Хотя такое понимание верно, оно, может быть, чрезмерно ориентировано на взрослых. Младенец становится ребенком, не только узнавая, что он не является родителем (комплекс Эдипа и комплекс кастрации в рамках психоаналитической теории), но также в более позитивном контексте через подражание своим сиблингам и другим детям и через взаимодействие с ними. В тех случаях, когда первичным идентификациям с родителями наносится травма (вы думаете, что вы похожи на своих родителей или одного из ваших родителей, но это не так, по крайней мере, пока), первичная идентификация с группой сверстников является положительной, она не подлежит отрицанию, а стимулирует процесс дифференциации: вы похожи на других, но вы от них отличаетесь. Это означает, что в более позднем возрасте идентификация со сверстниками может быть полной или может предполагать разнообразие – группы иногда выступают как однородные конструкты, а иногда распадаются на отдельные части. Это также означает, что любовь и ненависть, соперничество, ревность и зависть являются социальными и могут быть специфическими латеральными явлениями, приобретенными в группе.

В детской поликлинике мы можем наблюдать, как младенцев охватывает беспокойство, когда они видят, что другого младенца рядом кормят и что он получает удовольствие. Он уже распознает это удовольствие и хочет его для себя. Это свидетельствует не только о зависти ребенка к груди (Klein, 2000), но и о его ревности к другому ребенку. Социальная справедливость подразумевает, что либо оба ребенка будут иметь одинаковый доступ к груди, либо ни один. Этот порядок устанавливается не только взрослым, он выражается в горизонтальной ревности и стремлении схватить игрушки; это означает, что ребенок будет пытаться ползти быстрее, чем тот, что находится рядом, но он также начнет передавать предметы туда-сюда. Моя дочь блестяще ползала в шесть месяцев не потому, что она была подающей надежды будущей олимпийской чемпионкой, не потому, что кто-то ее научил, а потому, что мы жили с девятимесячным ребенком, и двое этих детей научились играть вместе, ползая взад и вперед по коротким лестничным пролетам.

Считается, что групповая психология, как и истерия, произрастает из вертикальной парадигмы. Но в самом исходном тексте есть момент, который при должном прочтении может указывать на горизонтальное измерение. В книге «Психология масс и анализ человеческого Я» (Freud, 1921) Фрейд ссылается на миф, который он переосмыслил на основе своего клинического опыта, чтобы объяснить групповое историческое, наследственное или филогенетическое прошлое человечества. Речь идет о его более ранней работе «Тотем и табу» (1913), в которой он приводит пример, как банда братьев убивает первородного отца, который до того момента держал всех женщин только для себя. Затем братья должны были установить свои собственные законы и запреты, иначе снова наступит хаос. Однако один человек становится выше братских договоренностей. История причудлива, но мы можем использовать ее (чего не сделал Фрейд), чтобы указать на проблему, которая возникает, если мы понимаем все только в рамках вертикальной парадигмы. Это связано с вопросом об эго-идеале, который обсуждался ранее и который открывает возможную горизонтальную перспективу. Человек, ставящий себя выше братства, является героем, согласно гипотезе Фрейда о происхождении человечества: именно он рассказывает историю убийства отца – этот поэт представляет собой Эго или субъект истории; он один из смелых братьев, и его делают богом.

«Лживость мифа завершается обожествлением героя. Обожествленный герой был, возможно, прежде Бога-отца, являясь предшественником праотца, являющегося в качестве божества. Хронологически прогрессия божеств была бы тогда следующей: Богиня-Мать – Герой – Бог-Отец» (Freud, [1921], p. 137). Другими словами, психическая последовательность значимых людей выглядит следующим образом: мать, потом братья и сестры, затем отец.

Фрейд утверждает, что архетипический поэт, рассказывающий, скажем, эпическую историю происхождения расы, сам является первым героем; именно он утверждает, что убийство первородного отца не было делом рук группы братьев, а было совершено самим поэтом в одиночку. Это «ложь». История рассказывает об этом одиночном героическом подвиге в эпосе, а затем все остальные братья отождествляют себя с поэтом-героем. Поэт рассказывает свою историю о совершении отчаянно храброго поступка и тем самым ставит себя, героического революционного убийцу, на место отца. Таким образом, если Фрейд вместе с некоторыми антропологами XIX века постулирует первенство матриарха, тогда убивают не отца, а торжествующего старшего брата. Может быть (как это часто бывает в западных мифологиях), поэт-герой-отцеубийца является любимым младшим сыном матери, а не старшим сыном. Если это так, то для рожденного вторым первенец, то есть его собственный старший брат, может стать примером для подражания. Будучи обожаемым младшим сыном, он также может захотеть стать тем, кто первым удовлетворит желание своей матери иметь сына.

С точки зрения Фрейда, этот первый сын олицетворяет то, чем не обладает мать, – фаллос. Если это так, то поэт-герой идентифицируется в первую очередь со старшим братом, а не с отцом. Например, в случае пациентов из числа британских этнических меньшинств, среди которых принято иметь большое количество братьев и сестер, младший сын часто является «профессионалом» (потому что, когда работают старшие братья и сестры, есть средства дать ему образование), но тем не менее любимый младший сын чувствует себя исключенным из дома: его отправили в мир иного социального класса, и он завидует старшему сыну, который занимает то место, которое в западном обществе считается местом отца, место главы семьи. Младший хочет быть старшим. То, что в основе героического эго-идеала лежат сиблинговые отношения, кажется вероятным не только для этого конкретного примера. В любом случае другие братья отождествляют себя с одним братом как своим героическим эгоидеалом.

В работах Фрейда понятие эго-идеала стало частью концепции Супер-Эго. Последнее развивается как интернализация авторитета фигуры отца. Следует возродить понятие эгоидеала, поскольку оно не тождественно понятию Супер-Эго. Особое значение здесь имеет то, что, вытеснив это понятие, мы утратили понятие «героического Я», о котором говорил Фрейд в

контексте групповой психологии и которое недавно было изучено в связи с конкретными клиническими наблюдениями. Экстраполируя свои наблюдения на нескольких пациентов, но имея в виду одного из них, Рикардо Стайнер предполагает, что художник использует своих предшественников (других художников) в качестве внутренних моделей (Steiner, 1999). Что, с моей точки зрения, интересно в этом утверждении, так это то, что эти модели – хотя давно умершие и похороненные – представляются в его воображении в том же возрасте, что и он сам. Другими словами, эти художественные предки «помещены» в горизонтальную плоскость. Однако, прежде чем пациент Стайнера смог посмотреть на эти модели как на источники творчества, а не как на конкурентов или тех, кому можно подражать, он должен был научиться отличать себя от этих художников прошлого: он должен был обнаружить, что они в целом такие же, как и он (все были художниками), но каждый индивидуален. Прежде чем он смог это сделать, он представлял, что они такие же, как и он, и единственный способ, который он мог придумать для того, чтобы развиваться как художник, – это уничтожить всех тех соперников, которые угрожали его уникальности. Из-за этого смертоносного соперничества он хотел избавить мир от всех великих мастеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.